

Снега беспощадны

Горы были скованы снегами, дороги стали почти непроходимы.

Коу Цзин вел своих людей вперед, стараясь держаться поближе к другим отрядам. Время от времени им попадались одинокие лачуги, стоявшие у самого края тропы. Стоило толкнуть дверь, как взору открывалась одна и та же картина: люди внутри давно лишились искры жизни.

Воины становились всё молчаливее. На развилках отряды расходились в разные стороны, и вскоре его сотня осталась в полном одиночестве среди белого безмолвия.

Деревня Хулу находилась в семидесяти-восьмидесяти ли от уездного города. В обычное время при быстром марше они преодолели бы большую часть пути за пару страж, но сейчас, спустя столько времени, они едва миновали двадцать ли.

Снег доходил до колен, и на каждом шагу ноги приходилось задирать высоко, с усилием вырывая их из вязкого плена. Армейские сапоги, хоть и были куда прочнее обычных матерчатых туфель, уже почти насквозь пропитались ледяной влагой.

С неба всё еще сыпалась мелкая снежная пыль. Она кружилась в воздухе, и со стороны эта картина могла бы показаться прекрасной, но в глазах изнуренных людей падающие хлопья мало чем отличались от вестников смерти.

Жизнь в лагере никогда не была легкой: воины привыкли тренироваться и в лютую стужу, и в невыносимый зной. В отряде собрались крепкие, выносливые мужики, а потому, несмотря на тяжесть положения, никто не роптал.

Буран усиливался, и вскоре видимость стала совсем плохой. Коу Цзин отдал приказ искать временное укрытие.

К счастью, за поворотом из-под огромного сугроба показались очертания высокой крыши. Это оказался павильон для отдыха, возведенный когда-то, чтобы путники могли укрыться от летнего зноя или дождя. Подобные строения, воздвигнутые на средства богатых домов уезда, встречались им и прежде. Это здание было велико, его ежегодно подновляли, используя добрую древесину, а потому оно выстояло, не рухнув под тяжестью снежных пластов.

Люди набились внутрь, заполнив всё пространство. То ли крыша над головой даровала душевный покой, то ли стены защищали от ветра, но всем внезапно показалось, что стало чуточку теплее.

Пользуясь передышкой, воины достали сухие пайки. Нужно было подкрепиться сейчас — неизвестно, выпадет ли еще такая возможность.

Внезапно один из молодых солдат, рассеянно озиравшийся по сторонам, вскрикнул. Его лицо искажилось от неопишемого ужаса.

— Ты чего орешь, малый? — старый вояка рядом отвесил ему подзатыльник. — Я чуть лепешку не выронил!

— Ноги! Там ноги! — в истерике закричал юнец, указывая куда-то в угол.

Проследив за его взглядом, мужчины увидели пару ступней, неестественно торчавших из-под длинной скамьи.

— Вытащить его, — коротко бросил Коу Цзин.

Двое подчиненных подошли и вытянули тело. Человек был окоченевшим, его кожа приобрела мертвенно-бледный, почти синеватый оттенок. Судя по всему, он скончался уже давно.

Он замер, обхватив себя руками и низко склонив голову, стараясь сохранить остатки тепла. Спина его выгнулась дугой, ноги были плотно подтянуты к груди — несчастный так сильно сжался, что его невозможно было распрямить.

Какое же отчаяние и холод должны были гнать взрослого мужчину, чтобы он сумел втиснуться в ту узкую щель под скамьей и свернуться клубочком, словно малое дитя?

— У-у-у... — молодой солдат не выдержал и всхлипнул. Ему было страшно. Страшно, что и он может закончить вот так же.

— Кончай скулить! Чем сырость разводить, лучше иди подсоби. Нужно вырыть яму и... предать его земле.

Люди молча принялись за дело. Они разгребли толстый слой снега, обнажив черную мерзлую почву. Когда яма была готова и тело собрались опускать вниз, Коу Цзин внезапно произнес:

— Погодите.

Никто не понял, что он задумал, но движение прекратилось. Сотник подошел к покойному и, обыскав его одежду, нашел за пазухой сверток. Развернув его, он обнаружил шкатулку, внутри которой лежал серебряный браслет с двумя маленькими колокольчиками. На внутренней стороне крышки были вырезаны слова: «Любимой дочери Юнь Ин».

Тишина воцарилась внутри. Даже старый ветеран, что ругал юнца, украдкой смахнул слезу и нарочито сурово отвернулся.

— Если после беды родные придут искать его, эта вещь послужит знаком.

Тело опустили в могилу. Каждый бросил по горсти земли, и вскоре над несчастным вырос маленький холмик. Снег быстро укрыл его белым саваном, похожим на толстое одеяло, и от этого зрелища сердце сжималось еще сильнее.

— Выходим!

По приказу Коу Цзина отряд, не медля более ни минуты, продолжил путь.

Они шли быстро и спустя еще две стражи достигли подножия горы, за которой лежала деревня Хулу. До цели оставалось не более четверти часа пути, но перед ними расстилалась бескрайняя белая равнина — невозможно было понять, где проходит тропа, а где начинается обрыв. К счастью, снегопад наконец прекратился.

Ху Цзюнь вышел вперед и обратился к товарищам:

— Сначала поднимаемся в гору этим путем. Пройдем еще столько, сколько горит палочка благовоний, и найдем ту тропу, о которой я говорил. Я на этих склонах вырос, знаю здесь каждый камень. Даже под снегом, даже с закрытыми глазами не собьюсь. Идите строго по моим следам, шаг в шаг.

С этими словами Ху Цзюнь первым начал восхождение. На каждом шагу он с силой притаптывал снег, чтобы идущим следом было легче.

Они благополучно миновали подъем и вышли к той самой охотничьей тропе.

— Теперь будьте вдвойне осторожны, — предупредил Ху Цзюнь. — Здесь ходят только охотники. Боюсь, под снегом могли остаться силки или капканы, которые не успели убрать. Смотрите под ноги, не отставайте от меня.

Воины согласно кивнули и двинулись следом за проводником.

Спустя некоторое время позади раздался приглушенный стон. Командиры обернулись, но строй выглядел как обычно, и отряд продолжил движение.

Сотник почувствовал неладное. Он намеренно замедлил шаг, пропуская людей вперед, пока не оказался в самом конце, внимательно наблюдая за каждым воином.

Один человек привлек его внимание — тот самый молодой солдат по имени Чан Ху. Несмотря на лютый мороз, лоб парня блестел от пота, а лицо то и дело искажалось гримасой боли.

— ...Опирайся, — командир, присмотревшись, заметил на снегу под ногами бойца алеющие пятна крови. Он не стал устраивать расспросов, а просто молча поравнялся с юношей и протянул ему свое длинное копьё в качестве опоры.

Чан Ху опустил голову, и слезы брызнули из его глаз. Он корил себя за глупость: ведь Ху Цзюнь предупреждал их столько раз, а он всё равно засмотрелся и угодил ногой прямо в капкан. Хоть он и сумел быстро вырвать ногу, челюсти ловушки успели глубоко вонзиться в плоть.

Он пошел в армию, потому что семья была совсем бедной, и из-за юного возраста старшие товарищи всегда его опекали. За этот поход он уже не раз становился обузой и теперь не хотел задерживать всех снова. Он решил терпеть до последнего, лишь бы не подвести сотню.

Он и не чаял, что сотник Коу заметит его беду и, более того, поможет скрыть эту слабость от остальных. Чан Ху ухватился за древко копьё, и идти сразу стало легче.

Коу Цзин, приняв на себя часть веса солдата, вел его вперед. Обогнув несколько крутых поворотов, Ху Цзюнь внезапно воскликнул:

— Пришли!

Впереди показались разбросанные по склону соломенные крыши. Все они были погребены под снегом, а две лачуги, судя по всему, не выдержали и рухнули — крыши провалились внутрь глинобитных стен.

Все невольно взглянули на Ху Цзюня. Видя его помертвевшее лицо, воины ощутили острую жалость.

Ху Цзюнь бросился к ближайшему дому, в котором не чувствовалось ни искры жизни. Ножнами меча он начал лихорадочно разгребать сугроб у входа, а затем дрожащей рукой толкнул дверь.

Заглянув внутрь, он внезапно обмяк, и в его голосе послышалось невероятное облегчение:

— Пусто!

Солдаты разошлись по другим домам — везде было то же самое. Кто-то из более внимательных заметил, что из амбаров вынесли всё зерно.

— Должно быть, они укрылись в каком-то убежище. Есть ли в вашей деревне место, способное вместить столько людей? — спросил сотник.

Ху Цзюнь задумался и покачал головой. Деревни всегда были бедными, мало у кого был даже приличный двор, не говоря уже о большом храме предков.

— Вспомнил! — глаза Ху Цзюня блеснули. — Недалеко за деревней есть гора. В детстве мы лазали там и нашли огромную пещеру. Там хватит места на несколько сотен душ!

Деревни Хулу и Модоу стояли бок о бок, и вместе в них едва ли набралось бы полторы сотни жителей. В пещере они могли спастись все!

Проверив еще несколько домов и убедившись, что в них никого нет, отряд направился к горе.

Пройдя некоторое расстояние, они внезапно уловили едва различимые звуки. Это были человеческие голоса — похоже, две женщины о чем-то яростно спорили.

С тех пор как они вступили на земли Мобэя, это был первый живой звук, напоминавший о мирной жизни. Воины приободрились и ускорили шаг.

— ...Это точно яйцо моей курицы! Твоя пеструшка сто лет как не несетя!

— Кто это сказал? Вчера только снеслась!

— Хороша! Я-то думаю, куда моё делось, а это ты его подобрала! А ну верни!

— Матушка! Тётушка Чуньхуа! — у Ху Цзюня перехватило дыхание, и он бросился вперед. Та женщина с покрасневшимся лицом и зычным голосом была его матерью.

— Гоу-дань? Ты же вроде в солдаты подался, как тебя сегодня принесло? Уж не натворил ли ты чего? — Матушка Ху Цзюня тут же позабыла о споре, преисполнившись тревоги.

— Мама, да нет же... — Ху Цзюнь принялся объяснять, что прибыл на помощь, и лицо женщины озарилось улыбкой.

— Я знала, что мой сын — молодец. Впрочем, у нас в обеих деревнях всё в порядке. И всё благодаря нашему старейшине. Если бы он не заставил всех перебраться сюда, мы бы, верно, все замерзли в своих домах.

Поначалу люди ворчали, но видя, что снег валит без конца, поняли, какой беды избежали.

В глубине пещеры старики грелись у костров, ведя неспешные беседы, а дети, примостившись у их ног, внимательно слушали. Мужчины были заняты делом: кто колот дрова, кто чинил инвентарь; то и дело слышались шутки и смех. У женщин было еще шумнее — крики и споры из-за всяких пустяков не утихали ни на миг, но никто не таил обиды, и спустя минуту все уже мирно беседовали снова.

Эта картина согрела сердца воинов. Насмотревшись по пути на ужасы и смерть, они словно вернулись из ада обратно в мир людей...

Шестого декабря снегопады наконец прекратились. Тяжелое свинцовое небо, давившее на землю с середины одиннадцатого месяца, разошлось, пропустив первые золотые лучи солнца.

Десятого декабря в Мобэй прибыли основные обозы с помощью. Воины из Аньчэна завершили спасательные работы, и выживших собрали в уездном городе.

Помимо продовольствия, правительство выделило пособие на погребение. За каждого погибшего старше семи лет семье выплачивали по шестьсот вэнь. Кроме того, Мобэй на два года освободили от всех податей, давая людям возможность оправиться.

Вскоре императорский уполномоченный Гу Юань, следуя стратегии, изложенной в записях Чу Цы, начал восстановительные работы. Жизнь понемногу возвращалась в нормальное русло.

Однако, если в деревнях Хулу и Модоу не погиб ни один человек, в других селениях потери были катастрофическими. Сбылось горькое предсказание Чу Цы: в живых остался едва ли один из десяти.

Там, где прежде жили двадцать-тридцать тысяч человек, ныне едва насчитывалось пять-шесть тысяч. Самая страшная участь постигла одну семью в деревне Сяюань: более десяти человек умерли от голода прямо в своем доме. На всей домашней утвари остались следы зубов — несчастные в последнем отчаянии пытались грызть даже дерево.

Вернувшись в лагерь, сотник случайно наткнулся в списках погибших на одну запись: «Семья Юнь, из семи душ шестеро скончались... Юнь Ин, один год... Старший сын, Юнь Далан, пропал без вести».

Коу Цзин достал из-за пазухи серебряный браслет и передал его писарю, ведавшему списками:

— Юнь Далан погиб в пути. Если кто-то из его родных придет искать, передайте это им.

Он надеялся, что там, за чертой, они наконец-то воссоединились.

<http://bllate.org/book/15354/1422669>